

А рано утром из Янгиюля приезжали молочницы, и тогда раздавалось жизнерадостное “малёко, кисло-пресно малёко”. И опять выходили хозяйки с кастрюльками, банками и бидончиками.

Дворов на нашей улице было немного. Наш двор находился посередине и номер носил шестой. Было и два двухэтажных дома. Один деревянный, рядышком с нашим двором, в одной из квартир которого жила “дама с собачкой” - актриса театра Горького Згурская. Второй стоял на другой стороне улицы; добротный, кирпичный, единственный из всех, сохранившийся по сию пору. Двухподъездный, с лепными балконами, он смотрелся как граф, случайно попавший в компанию простолюдинов. В первом подъезде, на втором этаже этого дома жил друг моего детства и одноклассник Валера Нойкин. Жил он с бабушкой-домохозяйкой и дедом – полковником, работающим в военной прокуратуре. Дед и бабушка были очень моложавые, и поначалу я думал, что это его родители. Но Валеркины папа с мамой и младшей сестрой жили отдельно. А во втором подъезде, опять же на втором этаже, жил ещё один друг детства - Юрка Дьяченко, он был постарше, но мы всё равно дружили. А в полуподвале (был в то время и такой вид жилья) жил Серёжка Чуватин - Чува, он был чуть младше.

Девочки моей улицы(на заднем планеА такой он сейчас, тот самый дом с балконами).

Друзей у меня было много - в каждом дворе и даже с соседних улиц. Товарищи по уличным играм. Одноклассники и соседи.

Между Топографической и Куйбышевской располагалась совсем уж маленькая - машина с трудом проедет - улочка, которая собственно и называлась не улица, а переулок – Топографический переулок. В самом начале переулочка находился детский сад для детей работников ЦК Компартии Узбекистана, сам ЦК тоже располагался неподалёку, на Гоголя, где теперь библиотека Академии наук. Выглядел он так.

Ностальгия по Ташкенту.
Фото прислал Фарход Файзиёв

В этот элитарный (слов, правда таких не было тогда) детсад ходили мои друзья, будущие одноклассники Валерка Нойкин и Одил Юсупов, который жил в одном дворе со мной. Одилкины родители были врачами, отец работал в Минздраве чуть ли не замминистром.

Я же ходил в другой детсад. Вернее не ходил, а ездил, поскольку находился он на Болгарских огородах. Это был ведомственный сад Ташкентского электротехнического завода, директором которого был мой отец.

За отцом приезжала машина, сначала чёрная “Эмка”, потом “Победа”, но за рулём неизменно сидел дядя Ашик - Ашот Барсемян, возивший отца более 25 лет - до конца своей жизни, и ставший не просто персональным водителем, не просто шофёром, а очень близким человеком для нашей семьи, практически родственником. Вместе с отцом садился в машину и я. Меня доставляли в детсад, и отец ехал дальше на работу.

А в конце Топографического переуллка жили “страшные” братья - близнецы Иванчики. Фамилия их, вероятно, была Иванченко, Иваненко, а может и Ивановы, но прославились они именно как Иванчики. Дерзкие, хулиганистые, гроза окрестностей. Наталья Васильевна, моя первая учительница (о ней речь ниже), рассказывала нам про них совершенно ужасные вещи: якобы мать близнецов от стыда за них бросилась под поезд, а они в этот день танцевали “буги-вуги”. Но, очевидно, врала, впрочем, как и всегда. Правда, в детстве Иванчики отняли у меня деревянную саблю, очень красивую, сделанную на отцовском заводе. Обидно было ужасно. Потом один из них стал известным спортивным фотокорреспондентом, я иногда видел его на стадионе “Пахтакор” во время футбольных матчей, увешанного фотоаппаратурой. И в газетах потом видел его фоторепортажи. Что стало с другим - не знаю.

Были на нашей улице ещё и отдельные квартиры с входными дверями и большим крыльцом, выходящим на тротуар. Одна такая квартира находилась на углу с улицей Гоголя, и жил там главный архитектор города Архангельский, страшный модник. Одевался он всегда очень элегантно, как “денди лондонский”, носил галстук-бабочку, и первый плащ-болонья я увидел именно на нём. Потом, если идти дальше к Жуковской, был большой двор, где жил мальчик инвалид Юра. Он не мог ходить и ездил на инвалидной коляске с ручным приводом. От этого руки у него были накачанные, мускулистые, а ещё он очень здорово вырезал из дерева оружие, особенно пистолеты. Покрашенные в чёрный цвет, они на вид ничем не отличались от настоящих. Выменять на что-нибудь у него такой пистолет было большим счастьем для пацанов. А после этого двора опять было крыльцо, очень высокое, и красивая входная дверь. Кто там жил, я не знаю, поскольку очень редко видел, чтобы кто-то туда заходил. На этом крыльце мы часто сидели с ребятами либо играя в какую-нибудь сидячую игру, либо рассказывая друг другу истории или прочитанные книги.

А на другом конце улицы, на углу с Жуковской, был дом, где когда-то жил активный участник революционного движения в Туркестане Дмитрий Иванович Манжара, и оттуда под конвоем он ушёл на свою голгофу.

В этом доме, в гостях у Дмитрия Ивановича, несколько раз бывал Юлиус Фучик, известный чешский антифашист, журналист и писатель. В 60-е годы улицу переименовали в улицу Фучика, а в доме создали музей автора “Репортажа с петлёй на шее”.

Потихоньку мир познаваемый мной стал увеличиваться. Уличные прогулки с ватагой мальчишек расширялись географически. Я узнал, что в городе есть трамваи. Трамвай №4 ходил по Карла Маркса до ТашМИ, и мы подкладывали под проходящий вагон жестяные крышки от бутылок и получали что-то вроде монеток, которые использовали потом в своих играх. Однажды со старшими ребятами я проехал на этом трамвае до ТашМИ, это было захватывающее путешествие для 6-летнего мальчишки. Иногда сестра или родители брали меня гулять в сквер или парк Горького.

Я помню, как в сквере ещё стоял Сталин, а в парк вход был платный, не знаю, сколько стоил билет, но некоторые молодые парни перелезали через забор-либо цена для них была непомерная, либо от неизбывной тяги советского человека к “халяве”. Хотя слова такого в обиходе тогдашнем не было, но тяга была.

В парке вечером играл духовой оркестр, люди пили пиво; напитки покрепче в парке, по моему, не продавались, но жаждущие и здесь как-то устраивались. Я же с удовольствием ел мороженое и пил лимонад.

Ходил я туда иногда и днём, с бабушкой: покататься на качелях-каруселях. И ещё, помню, в парк Горького часто приходил один чудака, который коллекционировал игрушки. Он приносил в парк свою коллекцию (вернее часть коллекции) и демонстрировал её всем желающим. Там были танцующие медведи, прыгающие обезьяны, поющие птицы, и мы, детвора, смотрели на это сказочное богатство разинув рты. Вообще, этот погибший парк являлся одним из самых культовых мест моей молодости. Учась в школе, мы сюда приходили классом или более узкими компаниями. Помнится, как однажды я получил там солнечный удар и потерял сознание. Немножко повзрослев, я стал ходить в парк самостоятельно, с ребятами, вход тогда уже стал бесплатным. В парк этот я ещё вернусь в своём повествовании.

А география всё расширялась. Мама или бабушка водили меня к зубному врачу в поликлинику, что находилась на улице Кирова. Мы шли пешком по Куйбышева, пересекали сквер, далее по Карла Маркса, мимо Универмага, поворачивали направо на Кирова и почти доходили до улицы Сталина, переименованной позднее в Братскую. Походы к зубному были для меня страшным испытанием, но после экзекуции обязательно следовала компенсация за мои страдания: мне покупали, либо книжку в большом книжном, находящемся неподалёку, либо игрушку в “Детском мире”, который тоже был поблизости.

Затем пошли зрелища. Кукольный театр рядом с бывшим княжеским дворцом (тогда дворец пионеров) и цирк, который в то время располагался рядом с гостиницей “Ташкент”. И совсем уж далёкий по моим масштабам кинотеатр “Ватан”, где я смотрел с родителями “Илью Муромца”

Старый цирк.

Кинотеатр “Ватан”

Да, и зоопарк, который был не очень далеко, а по взрослым понятиям и вовсе рядом.. Дойдя до Жуковской, нужно было повернуть налево и идти по ней два квартала. Сразу за поворотом был двор, где жил ещё один мой одноклассник-ЖорикАдибеков, по кличкеБуча. А на углу Карла Маркса

стоял аптечный ларёк, где мы покупали дымовые шашки предназначенные для борьбы с мухами, но мы использовали их при играх в “войнушку“, создавая дымовую завесу. Рядом киоск с мороженым. Фруктовое-7 копеек, сливочное – 13, эскимо 11, пломбир-16 копеек. И, кажется, ещё книжный киоск, помнится, именно там я купил “Волшебника Изумрудного города”.

А на противоположном углу был продуктовый магазин №18, куда позже родители посылали за солью, сахаром, хлебом. Дальше, по дороге к зоопарку, был небольшой хлебный магазин. Я помню очереди в нем во времена хрущёвского хлебного кризиса. Дальше нужно было пройти мимо 64-й школы, где сейчас, кажется, художественный колледж, потом протестантская кирха - тогда не действующая, поворот направо на Советскую, и вот они - ворота Ташкентского зоопарка.

Из-за близости этого зверинца я очень часто там бывал и до сих пор помню расположение вольеров и клеток.

Моя двоюродная бабушка Паша жила в одном из Жуковских переулков, которые по старинке называли Каларовские, и иногда мы ходили в гости к ней. Переулок, в котором она жила с мужем дедом Аверьяном, упирался в берег речушки Карасу. Деда Аверьяна, наверное, помнят многие старожилы тех мест. Он много лет стоял на углу Карла Маркса с напольными весами и силомером, предлагая прохожим проверить свой вес или измерить силу.

А ещё иногда по воскресеньям я отправлялся с мамой в Шумиловский городок в гости к бабушке с дедушкой. Мы выходили со двора, поворачивали в Топографический переулок, выходили на Куйбышевскую и ждали 5-й автобус на углу Жуковской. Автобус почему-то называли “дизель“. Рядом с домом маминых родителей тоже протекала Карасу, и летом я купался там с местными ребятами.

Ну вот, а в остальном всё детство моё прошло во дворе и на улице, в играх и развлечениях с товарищами. Впрочем, об этом я уже рассказал в другом очерке. А хочу я вспомнить ещё об одной вещи. Об арыках. По обеим сторонам нашейулицы, да и не только нашей, были арыки, в которых с весны до поздней осени журчала вода. Весенний день, когда она появлялась в арыках, был праздником для детворы. Мы пускали кораблики, строили плотины, а если погода позволяла, просто шлёпали босиком по воде. А жаркими летними днями мы открывали люк пожарного колодца; он всегда был полон чистой холодной водой, ипо очереди окунались туда, а затем ложились вокруг колодца на асфальт и загорали.

От летнего зноя мы спасались водоёмах. Чаще всего ездили в Парк Победы на 2-м трамвае, хотя Комсомолка была ближе. А в старших классах ходили на Анхор в парк Гагарина, где купались и готовились к экзаменам. Там же я получил свой первый гонорар. На лужайке летнего кафе, где продавали пиво и жарили шашлык, пел под гитару Окуджаву и Высоцкого, а взрослые мужики щедро делились с нами за это снедью и питьём.

Двор в котором я появился на свет и жил до 1967 года, просто утопал в зелени. Вот фото, сделанное в сентябре 66-го года, на нём 14-летний автор этих строк со своей собакой Буяном, позади видны распахнутые настежь ворота и часть улицы на которой стоят палатки - атрибут того времени.

Когда я родился, у нас было три комнаты и терраса, ну и кухня небольшая. В одной комнате жила баба Маня - Мария Андреевна, отцова мать с третьим мужем Петром Николаевичем, редкой, надо сказать, скотиной. Писал доносы на всех. На соседей, на отца моего. Когда он умер в больнице, моя мама разрыдалась от нервного потрясения, от того, что избавились наконец от этого человека, а санитарки в больнице удивились: “Надо же, как сноха убивается, наверное, хороший человек был”. Ко мне он, правда, неплохо относился, игрушки мастерил.

В другой комнате с камином (правда, не действующим, но очень красивым) жили родители, в третьей - я с сестрой Раисой, а когда в 65 году сестра вышла замуж за своего однокурсника, самаркандского парня Валеру Аракелова и уехала в Самарканд, я жил в этой комнате один. Потом отец пристроил ещё одну комнату, затем ванную с туалетом (до этого все удобства были в общем дворе), и к 66-му году мы жили вчетвером в шикарном по тем временам доме. Ещё у нас во дворе был сарай и гараж, где стояла папина “Победа”. Приобретена она была после хрущёвского указа о сокращении количества персональных машин, и огромная партия автомобилей была выброшена в свободную продажу по остаточным ценам. Отец её купил, если память мне не изменяет, за 600 рублей. Такая же “Победа” была и у Карим Юсуповича Юсупова - отца Адылки, о котором я уже упоминал. Уже после смерти отца, где-то в конце 80-х, Карим Юсупович, будучи у нас в гостях, рассказал потрясающую историю, о которой ни я, ни мама моя не знали. Однажды утром Карим Юсупович выгонял свою машину из гаража и, вероятно, по неопытности ударил и помял переднее крыло. Машину он оставил и пошёл на работу пешком. Когда же вечером, вернувшись с работы, он первым делом зашёл в гараж, то к великому своему изумлению увидел, что крыло целое. Оказывается, мой отец, утром уезжая на работу, стал свидетелем этой аварии и прислал с заводского гаража двух автослесарей, которые и устранили дефект. Наш сосед был совершенно потрясён этим событием.

Помню гипсовую лепнину на потолке. Когда 26 апреля 66-го года кровать моя заходила ходуном, я проснулся, но честно скажу, не очень испугался и собирался спать дальше, но мама из соседней комнаты стала кричать: “Вова, Вова, вставай”! Я сел на кровати, и в это время прямо на подушку, где мгновение назад была моя голова, упал огромный кусок лепнины. Больше я не заснул.

Но это всё будет ещё не скоро, а пока мы в самом конце 50-х. Закончился мой детсадовский период и наступил 1959-й год.

Глава 2

Школа №60

1 сентября 1959 года меня в новенькой школьной форме, с ранцем за спиной отвели в первый класс школы №60, что находилась на углу улиц Гоголя и Куйбышева и где сейчас расположено посольство Франции, и, надолгих 10 лет маршрут “дом – школа” и обратно, стал главным моим маршрутом.

Первая моя учительница, вопреки хрестоматийному образу, не стала для меня, “второй мамой” и “ласковым поводырём” по морю знаний. Нет, Наталья Васильевна чётко разделила класс на “любимцев” и “нелюбимцев” и относилась к маленьким ученикам в соответствии с этой градацией. Я попал во вторую группу и хлебнул целую пригоршню обид и унижений. Не знаю чем я заслужил такое отношение, но охоту учиться она мне отбила напрочь. Слава Богу, что любовь к чтению проявилась у меня до школы. И то, что я всё - таки выучился и получил высшее образование, случилось вопреки горькому опыту моих первых школьных лет.

Однажды на перемене, я схватил за руку и дёрнул за косичку девочку-одноклассницу, девочку, которая мне нравилась, такое детское признание в любви. Это увидела наша строгая наставница и весь следующий урок был посвящён мне. Меня поставили перед классом, и Наталья Васильевна прочла целую лекцию о фашизме. Я был уподоблен Гитлеру и Гимmlеру, а также садистам-гестаповцам, пытавшим партизан-подпольщиков. Через три года её всё-таки уволили, но дело своё она уже сделала. Тем не менее, ходить в школу мне нравилось. Тот неповторимый запах натёртых полов в старом дореволюционном здании я помню до сих пор. Помню школьный буфет, коржики по 10 копеек, впрочем, до второго класса они стоили рубль. А потом произошла денотация, деньги уменьшились в 10 раз. В начале 61-го года утром я шёл в кино, сжимая в руке 10-ти и 15-ти копеечные монеты и это было так удивительно после больших купюр, и я всё смотрел и

смотрел на эти блестящие кругляшки и думал, как я сейчас протяну их кассирше в кинотеатре и возьмёт ли она их у меня.

3-й класс. В центре Наталья Васильевна.

В 4-м классе у нас началась чехарда классных руководителей. С калейдоскопической быстротой менялись учителя претендующие на эту должность, но по каким – то причинам, долго не задерживались. Это напоминало “Республику Шкид”. Да и класс наш, вероятно, из-за отсутствия дисциплинатора стал совершенно неуправляемым, точно как в повести Белых и Пантелеева. И вот, наконец, пришла и осталась надолго, до самого 10-го класса, Ирина Евгеньевна Костина, наша “Ирина”, которая и стала для всех нас “второй мамой”. Несмотря на свою молодость, примерно 22-23 года ей было тогда, она сумела найти ключ к нашим душам, ибо была педагогом от Бога. С глубокой благодарностью вспоминаю я эту удивительно добрую женщину с большим сердцем. А преподавала нам она математику.

Впрочем, были ещё учителя, о которых я вспоминаю с теплотой. Евгения Михайловна Барашкова, по литературе и русскому языку. Вот она меня любила и отличала, поскольку литературу я действительно любил и обладая довольно хорошей памятью знал огромное количество стихов, а уж выучить стихи из школьной программы было для меня делом простым. Да и сочинения я писал неординарные и одно, помню, по картине Васнецова “Три богатыря”, даже отправили на какой-то городской конкурс.

7 ноября 1965 года в семье Барашковой произошла страшная трагедия. Погибла 7-летняя Леночка, дочка Евгении Михайловны. Празднуя годовщину Революции, какой-то полковник, пытался произвести салют из своего табельного пистолета, произошла осечка, офицер попытался что-то исправить, прогремел нечаянный выстрел, и пуля попала в висок маленькой девочки. Поняв, что он натворил, полковник застрелился, но Леночку было уже не вернуть. Всем классом мы ходили на похороны, и я никогда не забуду страшные глаза на застывшем лице моей учительницы литературы.

5-й класс. Внизу сидят: Ирина Евгеньевна Костина, Анастасия Алексеевна Кравченко(директор школы), Людмила Константиновна Токарева (завуч.)

В 61-м году школа стала специализированной, с глубоким изучением немецкого языка и учителей немецкого сразу прибавилось, поскольку появились такие предметы как история Германии, география Германии, литература Германии, и все они велись на немецком языке. Преподавателем немецкого была и директор школы, Анастасия Алексеевна Кравченко. Как-то на радио состоялась передача, посвящённая нелёгкой судьбе нашей директрисы. Передача была облачена в художественную форму и в ней приняли участие я и ещё двое моих одноклассников, - Валера Нойкин и Лариса Григоренко. Сюжет там был такой: трое друзей, два мальчика и девочка, шли, беседуя по улице, и увидели женщину, несущую тяжёлые сумки. Естественно, как и положено пионерам они вызвались помочь, и донесли сумки до дома. Женщина пригласила их в дом, напоила чаем с вареньем и во время чаепития рассказала о своей жизни. Это и была Анастасия Алексеевна.

Я помню, как она расплакалась, вспоминая свою жизнь. Почему то у неё не оказалась платка носового и Валерка ей свой отдал. Вообще, очевидно из-за близости радиокомитета, нас троих часто приглашали на такие мероприятия. Мы вели иногда "Пионерскую зорьку", ещё какие-то сюжеты. Помню на Красной площади, мы с Лариской на трибуне стихи читаем, а Валерка, красавец, стоя в открытой машине, отдаёт рапорт Павлу Корчагину, который сидит на коне. Потом в ОДО какой-то слёт комсомольский и мы опять: "То, что отцы не достроили, мы достроим. То, что отцы не допели, мы допоём"

Ирма Стефановна Крижановская, одна из учителей немецкого языка, вернее наша основная "немка". Большую часть немецких предметов преподавала именно она. Умная, интеллигентная и очень тактичная женщина. Позже я несколько лет проработал в Госстандарте с её мужем Виктором Павловичем Гандельманом.

Учительница физики Нелли Александровна. Такая же молодая, как и Ирина Евгеньевна. Они и пришли вместе после института. Много позже я встретил её в 19-й школе, где она преподавала всю ту же физику уже моим дочерям.

МенаварАхмеджановнаЕнилеева, преподавала узбекский язык, - заслуженный учитель УзССР, она была одним из авторов учебника, по которому мы учились.

Единственный, кажется, мужчина в школе, учитель по труду Эдуард Михайлович Гусанов, статный мужчина с усами и большим кадыком. Нет, вспомнил, был ещё некоторое время учитель пения, тоже импозантный такой мужчина, но имя его забыл напрочь.

Светлана Захаровна, учительница физкультуры, чем - то похожая на героиню фильма "Семь стариков и одна девушка". Она сделала в нашей школе отличную волейбольную команду в которой играл и автор этих строк. В ней играли ребята 8-10 классов. Кроме меня это Володя Вайнер, Валера Поршень, Адыл Юсупов, Валера Нойкин, Саша Зихерман и другие. В 67-м году мы выиграли школьный городской чемпионат. Финал был в школе где-то на Циолковского, за кольцом 3-го трамвая. Боже, как Светлана Захаровна за нас переживала, как обнимала после победного финала. Команда молодости нашей.

Уже прошло лет сорок после школы,
И мир моих друзей уже не молод,
Не обошли нас беды стороной.
Но ночь темна, а день, как прежде, светел,
Нам внуков нарожали наши дети,
Пусть наша осень станет их весной.

Глава 3 Улица Гоголя

Улица Гоголя. Сколько по ней пройдено-пробегано шагов. По этой улице я с мамой или бабушкой ходил на Алайский базар за продуктами, неизменно проходя мимо памятника Гоголю, с ребятами бегал в кино, в незабвенную “Тридцатку”, ходил в библиотеку, что на углу Пушкинской, чтобы взять какую ни будь интересную книжку.

А отрезок улицы между Куйбышевской и Карла Маркса, это отдельная песня. Наш мини-Бродвей.

Хватит ли у меня слов, чтобы передать тот аромат цветущих роз, что росли в клумбах разделяющих улицу на две части, то состояние восторженного познания мира, которое происходило на этом узком отрезке.

Здесь находилось ЦК компартии Узбекистана, которое часто посещали высокие гости. Помню Фиделя Кастро, он приезжал, по моему в 62-м году. Выйдя из открытой машины он выбросил в кусты недокуренную сигару, потом мы, пацаны, безуспешно пытались там найти окурочек. Помню визит Хрущёва, который тоже приехал в открытой машине, тогда террористов, как-то не опасались. Какая-то женщина с “искажённым лицом” бросилась к нему с криком, - “Никита Сергеевич, Никита Сергеевич” протягивая ему письмо в конверте. Но бравые “секьюрити” моментально её скрутили, письмо отобрали, и куда-то увели.

Если идти со стороны Куйбышевской по левой стороне этой улицы, то сначала шла наша школа, затем ворота гаража ЦК, само ЦК, потом горный факультет ТашПИ, где рядом на лужайке, летними вечерами, собирались ребята и пели под гитару, потом шли дворы где жили мои друзья и знакомые, одноклассники, ребята постарше и ребята помладше, но все ученики школы, в которой учился и я. Горный факультет потом перевели в Вузгородок, а в это здание переехал химфак, где в 80-х я принимал экзамены по электротехнике у студентов-химиков.

Запомнился мне еще дом на углу с Карла Маркса, в 66-м году, после землетрясения, у него вывалилась наружу стена, и весь внутренний интерьер предстал как театральная декорация. Там стояли кресла, стол, торшер. Это было поразительно, словно иллюстрация к Шекспиру, - “Весь мир театр и люди в нём актёры”

А если идти по правой стороне, то напротив школы жили сёстры Лебедевы - Ольга и Надя, в доме с высоким крыльцом. Ольга училась в одном классе со мной, а у Нади, которая училась на класс старше, уже в школе был долгий и красивый роман с Адиком Алиленко, красавцем и блатарём. Кончил Адик, плохо. Сел и на зоне погиб, по слухам его повесили сокамерники. А я вспоминаю, как в актовом зале школы я, Адик и Тигран Аванесов пели песню “Искры в камине”.

Искры в камине горят, как рубины,
И улетают дымком голубым.
Из молодого, цветущего, юного
Стал я угрюмым, больным и седым.

Что же нам делать, коль юность растрчена?
Что же нам делать, куда нам пойти?
Нет, не могу я с тобой, сероглазая,
Горем делиться от злостной тоски.

Дальше пойдём мы дорогами разными,
Счастье своё ты на танцах найдёшь.
Я же пойду той тропинкой протоптанной,
Где ты меня никогда не найдёшь.

Может быть, в жизни ты встретишь товарища,
Может полюбишь, сильнее чем меня.
Но не потушить тебе сердца пожарище
И не залить в моём сердце огня.

Искры в камине горят, как рубины,
И улетают дымком голубым.
Только злодейкой под старость подкралась
К сердцу больному хмельная любовь.

Смешно конечно, стоят три юных балбеса и с огромным чувством поют, как под старость подкралась к ним любовь.

А рядом с домом, где жили сёстры Лебедевы был двор где жил Марик Лобанч, он увлекался радиоделом и собирал марки, я его помню именно по маркам, поскольку учился он в другой школе. Как то увидел его в сети, обретается он теперь где-то на Дальнем Востоке.

Потом шёл ещё один двор, потом надо было перейти мою улицу, перпендикуляром упирающуюся в Гоголя, чуть дальше была маленькая женская парикмахерская и рядом двор, где в деревянном 2-х этажном доме (хотя может он был и не деревянный, но я запомнил деревянную лестницу прямо со двора и огромную общую террасу наверху, тоже деревянную), жил несколько странноватый Валерка Лейбин, который тоже учился с нами какое то время. Я с ним часто дрался в детстве, почему-то, и даже уже после школы, как-то встретив в парке Горького случился у нас конфликт. Затем управление гражданской авиации и там, во дворе жил Марик Каганов скрипач и фарцовщик, малолетний бизнесмен торговавший всем, - марками, пластинками, иностранными журналами, фотографиями в стиле “ню”, которые он в школе впаривал пацанам в пору их полового созревания. Но музыкант он был незаурядный. В старших классах, на переменах мызапирались в актовом зале и Марик лабал нам “рок-н-ролл” на раздолбанном школьном фортепьяно. А потом вместе с Валеркой Нойкином и Рамилем Ибрагимовым, ещё одним моим одноклассником, они организовали ансамбль при клубе Винзавода, “Винбочке” как мы его называли.

За двором где жил Марик располагалась столовая ЦК, сейчас там какое-то посольство, не то таиландское, не то афганское.

Ну, а дальше, после пересечения с Карла Маркса, на углу было здание, если не ошибаюсь Союза композиторов Узбекистана, потом старое здание, где сейчас английское посольство. Вроде раньше там жили Керенские, а дальше опять дворы, дворы, до улицы Советской. Там путь обычно разветвлялся, если в кино – направо, если в библиотеку – прямо. Библиотек, кстати было две, одна на

углу Советской, а вторая на другой стороне на углу Пушкинской. Я был записан во вторую и за 10 лет перечитал там уйму книг.

Здание ближней библиотеки, той, что возле “Тридцатки” сохранилось и теперь здесь Республиканская детская библиотека Узбекистана.

Ещё на этом отрезке, в одном из дворов возвышалась старая пожарная каланча, очевидно, когда-то здесь была пожарная часть. Однажды со своим приятелем Витькой Кротовым мы туда залезли, было круто.

А другим концом улица Гоголя заканчивалась воротами в трамвайное депо – Таштрамом. Однажды там снимали большой эпизод фильма “Буря над Азией”. Со стороны Жуковской вылетал конный отряд красноармейцев с шашками наголо и криками “Ура”, с другой стороны двигался трамвай, заgrimированный под бронепоезд, стреляли пушки. Было страшно интересно.

Прямо напротив школы, если перейти Кубышевскую, был какой-то химический НИИ, рядом с которым полянка, служившая нам пацанам местом выяснения отношений на кулаках, толковищем. Там происходили честные поединки один на один. Точно как в песне Розенбаума.

Глухари на токовище, бьются грудью до крови.
Расходились не на шутку, быть бы живу.
Так и мы когда-то жили, от зари и до зари,
И влюблялись и любили, мчались годы с той поры.
Мчались годы, стерлись клювы, раны зажили давно
Только шрамы доброй памятью остались

Но вернёмся к нашему мини Бродвею, к клумбам с розами. Туда на эту вытянутую площадку приходили девочки и мальчики с окрестных улиц, чтобы пофланировать туда-сюда, себя показать, других посмотреть. Собирались стайками, по интересам, кто-то катался на велосипедах или самокатах, кто-то сплетничал. Выходил с гитарой Марик Каганов и показывал какие-то пассажи, утверждая, что именно так играет Джон Леннон.

Вечерами там собирались девочки, как из моего класса, так и постарше, и на класс, и на два класса. Помню этих юных, расцветающих красавиц. Наташа Юдина, Лариса Бухвис, Лена Егорова, Ольга Сташис, другие. И почему то эти девочки очень любили общаться с тремя пацанами, которые были младше них. Это я, Валера Нойкин, и очень близкий мой друг, очень рано ушедший из жизни Юра Бондарь. Общались они с нами достаточно раскованно, может, отрабатывали свои женские приёмы на нас, не знаю. Ленка Егорова, самая разбитная девочка из этой кампании, брала нас с Нойкиным под руки и гуляла туда-сюда рассказывая не очень приличные анекдоты. Справедливости ради надо сказать, что не все из них мы понимали. Но аромат роз, близость юного женского тела, которого мы как бы невзначай касались, кружили наши мальчишеские головы.

Из окон школы выходящих на Гоголя мы как то всем классом вылезли, чтобы сбежать с уроков и пойти в кино. Как сейчас помню Наташку Тананпускающуюся с подоконника с высоко задравшейся юбкой школьного форменного платья, и себя внизу, помогающего ей спрыгнуть.

А зимой, когда выпадал снег, начинались другие развлечения. Гоголя правда не очень подходила для зимних видов спорта, а вот моя улица, в связи с тем, что машин по ней проезжало мало, было самое то. Санки, коньки, снежки. А с горки кататься мы ходили на Жуковскую, где

напротив 145-й школы, был высокий забор Винзавода и довольно протяжённая горка. Не знаю, может мне кажется, но раньше снег держался довольно долго и мы успевали вдосталь накататься на подручных средствах, накидаться снежками и намылить девчонок снегом. Зимние каникулы продолжались две недели, но иногда в связи с эпидемией гриппа объявляли карантин и занятия отменялись. Вот это был праздник.

Конечно, вечерние развлечения не ограничивались только улицами Гоголя и прилегающих к ней. Были ещё места, которые играли очень значимую роль в моём детстве и юности.

Глава 4

Парк Горького и сквер

После окончания учебного года и последнего звонка мы, как правило, шли в сначала кино, в “Тридцатку”, а потом в парк. А в летние каникулы практически каждый вечер мы проводили здесь.

Путь туда от моего дома пролегал мимо школы, затем до Первомайской, где в угловом дворе жила моя первая любовь, девочка Галя. Здесь же на углу будка телефона – автомата, из которого я часто ей звонил, иногда просто дыша в трубку. И вот отсюда к парку можно было пройти двумя путями, либо свернув налево через дворец Митрофанова, мир его праху, либо пройдя дальше по Куйбышевской. Сразу за палисадником, в который выходили окна девочки Гали, был Радиокomiteeт, куда весной мы лазали за сиренью, затем дореволюционное здание музея истории. А на другой стороне авиационный техникум и ресторан “Бахор”.

Иногда на большой перемене мы бегали сюда в “Кулинарию”, что в торце ресторана, отведать свежее испечённых беляшей со стаканом сладкого горячего кофе. Беляши по тринадцать копеек, кофе – по одиннадцать. И вот как раз между техникумом и рестораном были ворота в парк. Но можно было пройти ещё дальше и, не доходя до кафе “Буратино”, находились ещё одни ворота.

Центральный же вход в Парк Культуры и Отдыха имени пролетарского писателя Максима Горького смотрел на сквер.

“Тусоваться”, как сейчас говорят, в парк приходила, в общем-то, одна и та же публика. Были здесь и свои колоритные персонажи. Например армянин Вовуля, невероятно полный человек, частенько играющий там в нарды. Культурист Янис, поражающий всех своим рельефным торсом. Вообще греков было много, да впрочем, много было и армян и евреев и других представителей более ста тридцати национальностей проживающих в этом среднеазиатском Вавилоне. А какие потрясающие девушки прогуливались по аллеям.

В парке как на пристани
Рыбалка круглосуточно
Гражданки словно с выставки
Забрасывают удочки.

И об этом есть у Розенбаума, и мы ловились на эти удочки, да и сами забрасывали их. В парке был открытый кинотеатр, где показывали документальные и мультипликационные фильмы. Была огороженная кирпичным забором летняя эстрада, где проходили концерты доморощенных

артистов. И, самое притягательное для нас, - танцплощадка. Какое там бывало столпотворение. Ансамбль играл популярно-разнообразный репертуар. Сиртаки – и греки обняв друг - друга за плечи кружились по окружности танцпола. “Семь сорок” - и в круг, засунув большие пальцы в воображаемые жилетные карманы, входили представители еврейской диаспоры. И конечно, нельзя было удержаться, чтобы не присоединиться к этим зажигательным пляскам. На танцах знакомились, здесь завязывались романы. Случались и драки. Но за порядком зорко следили дружинники и участковый, звали его, если память мне не изменяет Михаил Иванович, который прекрасно знал местную публику.

Однажды довольно большой компанией мы сидели на скамейке, на той самой открытой киноплощадке и у меня в кармане обтягивающих джинсов лежала губная гармошка. Идёт МихалИваныч, увидел мой выпирающий карман и ко мне.

“Ну – ка, давай сюда нож”,

“Это не нож, - говорю, - МихалИваныч, это губная гармошка, вы же знаете мы оружия не носим, музыканты мы” – говорю - Не шпана”

“Какая гармошка, быстро нож давай сюда”

Я вытаскиваю музыкальный инструмент, и вижу нескрываемое изумление на лице блюстителя порядка.

А в 68-м году на музыкальную вахту на танцах заступила рок-группа “Синхрон” и зазвучала там уже совсем другая музыка.

Гена Садовников, солист и автор песен группы, надолго стал для нас кумиром. Поскольку играли они каждую субботу и воскресенье, весь их репертуар мы знали наизусть.

Ты сказала, что придёшь, когда листья опадут.

Когда первые дожди грусть и влагу принесут.

Но вот выпал снег,

А тебя всё нет.

И танцплощадка парка Горького стала рок-центром Ташкента. Очень часто туда приходили другие рок-музыканты - “Скифы”, “Киборги”, “Ваганты” и начинался такой джем-сейшен, такой драйв.

В 68 или в 69 году Эльдар Ишмухамедов снимал фильм “Влюблённые”, одна из сцен фильма проходила как раз на танцплощадке в Парке Горького. Только вместо группы “Синхрон” играла группа “Киборги”, бас – гитарист которой, Володя Барамыков, сыграл в фильме эпизодическую роль хулигана Саши. Сцена драки между ним и героем Рустама Сагдуллаева происходила на аллеях парка, а группа товарищей во главе с Родионом Нахапетовым их разнимала. В качестве группы товарищей снимались как раз постоянные “тусовщики”, в том числе и я. Снимались мы весь вечер и заработали по трёшке.

Но перед тем как пойти в “парчок”, мы неизменно начинали вечер в сквере.

Парк Горького и сквер. Если сравнить эти два центра притяжения жизни молодых повес того времени, то это как Москва и Питер. Если Москва большей частью плебейская, купеческая, бесшабашная, всюду развлекающаяся и развлекающая, то сквер как Питер - аристократический, несколько академический, интеллигентный, даже интеллектуальный.

Три кафе расположенные там служили нам стартовой площадкой. “Снежок”, “Лотос”, “Дружба”.

Кафе "Лотос" (старое фото)

Кафе "Дружба"

Выбор зависел от нашей платёжеспособности. В "Снежке", было только мороженое, в "Лотосе" ассортимент расширялся, к мороженому добавлялось сухое вино и шампанское. Ну, а если, что случалось редко, в карманах появлялась достаточная сумма, то конечно выбиралась "Дружба".

Как славно мы общались в этих "скверных" кафешках или - прямо на скамейках под платанами. В сквере у памятника назначались свидания или "забивались стрелки". Отсюда от сквера начинался вечерний маршрут – в парк, в кино, в театры.

А прямо за сквером ещё одно кафе, - "Уголок", как же можно о нём забыть. Здесь мы впервые услышали "Киборгов". Здесь, была свадьба Валерки Трошкова, моего одноклассника и звукорежиссёра "Скифов", проживающего ныне под Ригой, на своём хуторе. На свадьбе этой играли "Скифы" и легендарный Олег Чесноков поражал нас своими виртуозными пассажами и гитарными рифмами.

В этом кафе я часто сидел со своей будущей женой, запивая "Монастырской избой" жареных цыплят.

Неужели это было? Неужели это было?
Неужели это было? Столько лет
Минуло с дней тех юных
Головы припорошило,
Головы припорошило,
Неужели это было так давно?

С лёгкой грустью поёт Саша Розенбаум. Поёт про своё счастливое детство. Но ведь и про моё тоже, ведь мы одного поколения, про моё тоже, потому что хоть и жили мы в разных городах, но в одной стране и в одно время, читали те же книги, смотрели те же фильмы, слушали те же песни.

Не во сне, не в бреду,
В шестьдесят втором году,
Содой пряжку от ремня
Начистив, как всегда до блеска,
Первый пласт, первый джаз.
Я пошёл в четвёртый класс -
Это было очень интересно.

Мама с папой врачи.
Не дремали стукачи.
Рассказал на переменке анекдот я про Никиту.
И в одиннадцать лет
Повели на педсовет.
Обошлось, но дело было шито.

Было всё это так.
Домны плавил металл.

И меняли "дудочки" ребята на клеша от "Битлз".
И, пока я в кафе
Нёс её большой портфель,
Управдом засаживал свой литр.

Абель враз обрусел,
И туфлёю при всех
Колотил наш Генсек по трибуне.
Окуджава гремел,
Но на нашем дворе
Был я самый крутой семиструнник,

Ведь как и он я тоже в 62-м году пошёл в четвёртый класс и у меня был “первый пласт и первый джаз”. И мне однажды хотели пришить политику за рассказанный анекдот. И клёши как у “битлов” мы шили в ателье на Карла Маркса. И в нашем дворе я тоже был “самый крутой семиструнник”

В коротеньких штанишках,
Забросив в парты книжки,
Как в катакомбы, лезли в кучи дров,
И в синей форме новой
Усталый участковый
Ловил нас в паутине чердаков.

Мальчишка несмышленный,
Я по уши влюбленный
Часами мог ее в подъезде ждать,
И зимними ночами
Озябшими руками
Аккорды струн стальных перебирать.

Заборы трехметровые
В цвет грязно канареечный,
Гоняли участковые
Нас с голубых скамеечек.

В кино билетик синенький,
Как пропуск на свидание,
А там листком осиновым
Дрожат коленки Танины.

Жалели нас парадные
Нагретым подоконником,
И платица нарядные
Расстегивались школьные.

Менялась наша жизнь вместе с шириною брюк,
И плечики опять приходят в моду,
Но если посмотреть чуть-чуть внимательней вокруг,
То, Боже мой, как изменилось все за годы!

Как всё знакомо. И “в кино билетик синенький, как пропуск на свидание”, и платица школьные тоже помню. И “озябшими руками аккорды струн стальных перебирать”, это тоже про меня. И как быстро всё пролетело. Как быстро.

Глава 6 Карла Маркса, Первомайская, Куйбышева

Об улице Карла Маркса написано немало воспоминаний. Но это о той её части, что называлась ташкентским “Бродвеем”. С универмагом, театром Горького, книжным магазином, детским миром, гастрономом и прочее, и прочее. Я же хочу вспомнить, другую её часть, ту, что шла от сквера и продолжалась до улицы Жуковского.

Здесь также проживало огромное количество моих друзей, одноклассников и просто знакомых людей. У самого сквера стоял красивый 2-х этажный дом с большим проходным двором, выходящим на Куйбышевскую.

В этом дворе жил мой одноклассник Ёсик Вайнштейн, ныне благополучно проживающий в далёком городе Нью Йорке. Напротив был двор, где жила Евгения Михайловна, та самая учительница литературы потерявшая маленькую дочку.

Затем пересекаем Хорезмскую, на которой, кстати, тоже жили знакомые. Жила, в частности, Ира Красюкова, моя одноклассница в младших классах, ныне известная в узких кругах “заводчица” среднеазиатских овчарок. Она была дочерью священнослужителя, за что ей изрядно доставалось всё от той же Натальи Васильевны.

Но пойдём дальше по Карла Маркса. Вот двор, где жили ещё одни мои одноклассники Серёжка Комиссаров и Женька Мушкарёв, сын Вадима Георгиевича Мушкарёва, директора лампового завода. Жил он с бабушкой, родители жили отдельно на улице Навои. Серёжка ныне проживает в столице Белоруссии, а Жени к горькому сожалению уже нет с нами. Дальше одноэтажный дом с крыльцом, где жила некая Люся то ли Шубина, то ли Шубарина, которая содержала здесь подпольный бордель. Однажды мы довольно жёстко подрались с её клиентами. Уж чего не поделили не помню. А прямо напротив, очень значимый для меня адрес. Улица Карла Маркса, дом № 53. Здесь жил Вовка Востриков, одноклассник и близкий друг юности моей. У него во дворе была очень уютная, оборудованная кладовка, вполне жилая, где мы часто сидели после школы или вечером, когда погода не позволяла гулять. Общались, немножко выпивали, играли в “тыщу” и “кинга”, а позже и в “преферанс”, слушали магнитофон, пели под гитару. Уже после школы, так как переехал я довольно далеко, иногда оставался здесь ночевать. В этом же дворе жила Дина Шангарина, знойная брюнетка, тоже из нашей компании. Здесь же располагалось Ателье мод, где мы шили себе модные брюки и пиджаки. А рядом на Карла Маркса был дом профессора Слонима, я думаю №51 и напротив скамейка, где мы собирались летними вечерами тесной компанией, скамейка между двух многолетних дубов. Вот фотографии этого места снятые в разных ракурсах. В профиль и анфас.

Ну, а если продолжить и перейти через Первомайскую, то слева будет здание райисполкома, во дворе которого жил Рамиль Ибрагимов, ещё один мой одноклассник и семья академика Уклонского.

Александр Сергеевич Уклонский, из той плеяды учёных, что приехали сюда по “путёвке Ленина” и создали Университет, а потом и Политех. Раньше на горфаке ТашПИ, висела мемориальная доска в память об этом выдающемся учёном – минерологе и геохимике, создателе кафедр минералогии в ТашГУ и ТашПИ и основателе крупнейшего в Средней Азии минералогического музея. Висит ли доска сейчас, Бог весть. У Александра Сергеевича был поздний ребёнок, – Лёня, учившийся со мной в одной школе на три класса позже. Лёнина судьба весьма трагична. Ещё учась в школе он связался с блатными, они грабанули какую-то контору, пишущие машинки украли что ли, их там же и взяли, Лёниных поделников посадили, а его или по малолетству пощадили или отец отмазал от тюрьмы, но от греха подальше отправил он его в Москву к родственникам. Вернулся Лёня в 69-м, совершенно не похожим на себя, стал таким андерграундным хиппи, разговаривающим на смеси “английского с нижегородским”. Я часто тогда с ним общался. Хату он называл “флэт”, концерт – «сейшен», люди – «пиплы» ну и т.д. Довольно забавно было. Потом его родители умерли, и он к тому времени широко известный в определённых кругах, как сейчас говорят “продвинутой молодёжи” Ташкента, под кличкой не то “Кока”, не то “Кука” в 72-м году погиб от передоза (было ему 17 лет). Рамиль Ибрагимов, один из немногих, кто его хоронил, рассказывал мне потом как он заколачивал крышку Лёниного гроба. К счастью его родители не дожили до этой трагедии.

А напротив райисполкома, в доме с крылечком жила наша директриса, Анастасия Алексеевна.

Ну и как не вспомнить улицу Первомайскую, на которой жило подавляющее число моих одноклассников. Вадик Черкасов, Валерка Трошков, Румка Садатдинова, Женька Калишер, Вовка Быкадоров, Вовка Бронфен, Наташка Танан.

Танан и Бронфен жили во дворе прямо напротив Дворца спорта им. Митрофанова. Построили этот бассейн в бытность мою школьником, мы все сразу пошли записываться туда в секции и довольно долго ходили плавать. А до этого на этом месте был маленький стадиончик “Пищевик”, на котором играли в футбол взрослые парни.

Во двор к Вовке с Наташкой можно было пройти и со стороны улицы Ремесленной, что соединяла Первомайскую с Жуковской пресекая Гоголя, там же во дворе располагалась секция борьбы и бокса. Вовка проживает сейчас в Канаде, а Наташа ушла из этой жизни. Унесённые ветром.

Школьная кличка Вовки Бронфена, была Холл, не помню почему, и у него в середине 60-х обнаружился родной дядя-капиталист в Канаде, тема в те годы конечно не “марксистская”, но благодаря этому у Холла всегда были супермодные шмотки, жвачка, а самое главное импортный магнитофон. Однажды, если не ошибаюсь на 7 ноября, мы устроили у него дома вечеринку всем классом, называлось это тогда “сабантуй” или “контора” и я впервые танцевал медленный танец, трепетно обнимая ту самую девочку Галю.

Через квартал от школы №60, если идти по Куйбышева, была ещё одна школа, в которой училось множество моих знакомых. Это школа №145.

Кто-то перешёл с этой школы к нам, кто – то наоборот от нас ушёл туда, ученики соседних школ часто жили рядом, и таким образом происходило взаимопроникновение, знакомство и впоследствии дружба или приятельство. Достаточно многих помню оттуда. Сашка Сеницын, Алик Флешлер, Витя Мухряков, другие ребята.

Ну вот и очертил я круг циркулем воспоминаний, взяв за центр мою улицу. Сквер, Карла Маркса, Жуковская, Куйбышева, Переушка, Первомайская, Парк Горького, Хорезмская, Советская, Гоголя, Пушкинская. Улицы моего детства.

Переименованы они теперь.
Стало всё по новой там верь не верь.
Но где б ты ни был и где б ты не бредёшь.
Нет, нет по этим улицам пройдёшь.

Время от времени я вновь прохожу по этим улицам, но, к сожалению, только во сне. Сны эти всегда жду и просыпаюсь после них неизменно счастливым.

Эпилог

Однажды я всё - таки рискнул пройтись по тем местам “где счастлив был когда-то”.
И вспомнив в очередной раз Розенбаума:

Иногда в денек погожий, длинный,
Два червонца оборвав с куста,
Не забыв о веточке жасмина,
Я иду **попамятнымместам.**

Выбрал погожий денёк и отправился в путь.
Прогулка, однако, получилась печальной. На моей улице остался только один дом, который помнит меня, да деревья, сильно подросшие той поры.
Переулок стал тупиком.

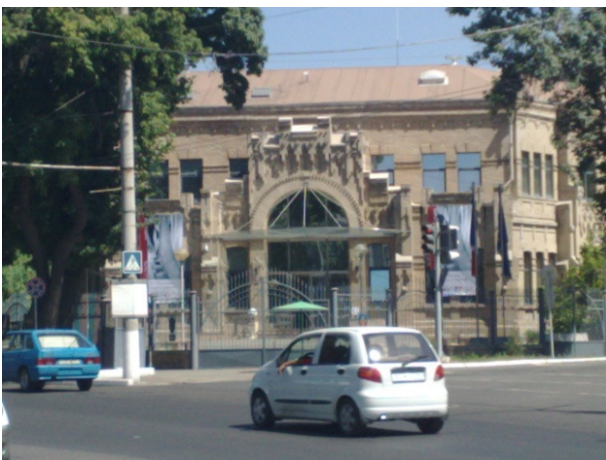

Дом в Каларовском переулке, где жил мой близкий друг Юра Бондарь, совсем обветшал.

Той скамейки напротив дома Слонима больше нет. Только по двум дубам, которые всё так же шумят своей листвой, как и много лет тому назад, можно определить место где она когда – то стояла.

Моя родная школа уже не школа, а иностранное посольство. А вот 145-я так и пребывает в статусе среднего учебного заведения, даже похорошела.

Нет, решил я лучше не продолжать. Помните, у Вознесенского:

Не возвращайтесь к былым возлюбленным,
былых возлюбленных на свете нет.

Есть дубликаты —как домик убранный,
где они жили немного лет.

Не надо возвращаться, туда, где ты был счастлив когда-то. Не надо. Улицы моей юности погрузились в зыбучие пески времени. Но это было, было. По моей улице, только представьте себе, когда-то прогуливались под ручку великая Анна Ахматова и не менее великая Фаина Раневская. Совсем недалеко, на Гоголя жил Корней Чуковский с дочерью Лидией. На Первомайской жил “красный” граф Алексей Толстой. Однажды он был ограблен в Каларовских переулках. Всего в какой - ни будь сотне метров от моего дома хранилась рукопись “Мастера и Маргариты”.
Фантастика.

И строчки Вознесенского опять всплывают в памяти моей.

Запомни этот миг. И молодой шиповник.
И на Твоем плече прививку от него.
Я - вечный Твой поэт и вечный Твой любовник.
И - больше ничего.

Запомни этот мир, пока Ты можешь помнить,
А через тыщу лет и более того,
Ты вскрикнешь, и в Тебя царапнется шиповник...
И - больше ничего.

И больше ничего.